

Чиглинцев Евгений Александрович

д-р ист. наук, профессор

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)

федеральный университет»

г. Казань, Республика Татарстан

PERSONALIA КАК БИОГРАФИЯ ИСТОРИКА

Аннотация: в рамках возобновившейся в историографии научной полемики вокруг историко-биографических штудий автор статьи обращается к анализу актуального состояния биографического изучения историографии. Опираясь на многолетний опыт историографической школы Казанского университета и принимая во внимание произошедшие в социогуманитарном знании культурные повороты, значительно расширившие возможности биографической историографии, автор предлагает обозначить пласт исследований, посвященных биографиям ученых-историков, термином «Personalia», который корреспондирует с «персональной историей», но имеет и некоторые особенности, позволяя совместить микро- и макроуровни социокультурного анализа истории исторической науки.

Ключевые слова: история, биография, биографика, персональная история, Personalia историка, историография, социокультурный аспект.

Четверть века тому назад выдающийся французский историк Марк Ферро начал свою статью в известном сборнике «Споры о главном» [15], посвященном школе «Анналов», с сакраментального вопроса: «...почему биография была вытеснена из так называемой научной историографии? Он пытался разобраться, почему так трудно и противоречиво развивался жанр биографии во второй половине XX вв., и нашел причины этого в политической и научной сферах. В первом случае (еще с XIX века) препятствием стало усилившееся внимание к изучению больших социальных групп и недоверчивое отношение к отдельным личностям, во втором – недостаточное использование способов научной про-

верки данных и неверное понимание задач биографии, поскольку «...традиционная история всегда отстранялась от рассмотрения частной жизни, допуская лишь глобальное изучение частной жизни людей» [15, с. 165].

Между тем смею утверждать, именно во второй половине XX в. в нашей стране стала активно развиваться историографическая биографика, когда в рамках историографических штудий исследователь неизбежно обращался к истории жизни того или иного историка, внесшего значительный вклад в историю исторической науки или исторического знания. И если верно утверждение, что историческая биография есть «сама история, показанная через историческую личность» [10, с. 7], то историографическая биография есть не что иное, как история исторической науки, показанная через личность историка-исследователя. И интерес к подобного рода исследованиям «биографии человека науки» среди историков исторической науки С.О. Шмидт констатирует уже в середине 70-х годов прошлого века [17, с. 266]. О подобном же интересе говорится тогда же и в отношении биографических исследований в истории любой другой науки. И воспринимается эта ситуация как проблема науковедения [20, с. 29].

В отечественной историографии классической работой в биографическом осмыслиении личности и творчества крупнейшего историка стала монография М.В. Нечкиной о В.О. Ключевском [9]. Начало изучения темы М.В. Нечкина относит ко времени работы в Казанском университете, т.е. к 1921 году. В Москву, в Институт красной профессуры в 1924 году она поехала, уже подготовив книжку о Ключевском. И тогда эта работа воспринималась как своеобразная визитная карточка историка-профессионала [5, с. 94]. Но работа над книгой продолжалась более пятидесяти лет. М.В. Нечкина писала при публикации монографии: «Исподволь я непрерывно собирала материалы о Ключевском, рассказы его учеников и близких знакомых; существенные данные были получены мною от сына Ключевского Бориса Васильевича в многочасовой беседе об отце. ... Я получила возможность изучения неопубликованных документов. Когда в советские архивы поступили после смерти сына Ключевского

архивные материалы, я смогла вернуться к теме...» [9, с. 6]. И вновь автор подчеркивает неисчерпаемость и источникового материала, и самой темы, обозначив свою скромную задачу – лишь наметить место В.О. Ключевского в истории исторической науки.

Здесь мы имеем пример развернутой научной биографии историка, при написании которой были соблюдены некоторые общие требования, а именно – прослеживается поэтапно вся жизнь историка от начала и до самого конца; творчество историка представляется читателю максимально полно, т.е. как историографический факт проанализированы все труды, и опубликованные, и неопубликованные; источниковедческая база исследования содержит всё без малейшего исключения, что может содержать необходимую автору для реализации грандиозного замысла информацию о жизни, личности и творчестве историка. Если еще более скжато охарактеризовать подход, реализуемый в такого рода монографиях, то в них личность историка выступает как явление равное по значимости любому иному событию или явлению его эпохи, т.е. эпохальной становится сама личность историка.

Такой вид историографического сочинения принято называть *Personalia*. Появление в историографическом обиходе этого понятия для обозначения биографии историка связано с Казанской школой историографии античности и деятельностью её основателя А.С. Шофмана.

Само понятие *Personalia* пришло из справочно-информационной среды. Так изначально обозначали и сейчас обозначают в библиографических указателях, в библиотечных каталогах специальные разделы, в которых собирается информация о публикациях, посвященных тем или иным личностям. В нашем случае – профессиональным историкам. Позже этим термином стали обозначать и энциклопедические статьи или публикации в специализированных периодических изданиях, посвященные жизни и деятельности выдающихся деятелей, в частности, историков-исследователей. А в 70-е гг. с легкой руки А.С. Шофмана казанские историографы стали обозначать так диссертационные исследования по ис-

ториографии, в центре которых находился один историк как ярчайшая фигура своего времени или своего научного направления.

Правда, то самое «недоверчивое отношение к личностям», о котором писал Марк Ферро [15, с. 165], привело к тому, что вскоре появилось мнение, что диссертации должны защищаться не по персоналиям, а по проблемам, школам, национальным историографиям и т. п. исследовательским объектам.

Однако там, где речь не шла о квалификационной работе, Personalia продолжали выходить. Пример тому – сам А.С. Шофман с его работами о Ф.М. Мищенко [19] или М.М. Хвостове [18], монография А.В. Сергеева [14] и даже ряд диссертаций, правда, имеющих в заголовке специальное упоминание исторической концепции изучаемого автора [2; 3].

Сегодня, на мой взгляд, настало время теоретически осмыслить ту историографическую практику, которая связана с понятием Personalia, тем более что работы, явно подпадающие под это понятие, продолжали выходить на всем протяжении трех прошедших десятилетий [4; 8; 11], а в научном обиходе историков и историографов появилось понятие «персональная история»? Однако среди нескольких десятков лексических единиц, обозначающих биографические исследования, термина Personalia просто нет [12, с. 12–13]. Вообще выявление типологической принадлежности Personalia само по себе уже является интересной научной задачей, особенно на фоне тех попыток, которые предлагают типологию исторической биографии вообще. Как же с этих позиций выглядит биография историка? Если последовать, например, за итальянцем Джованни Леви [7, с. 4], то биографию историка скорее можно отнести к «герменевтическому» типу, ориентирующему исследователя на понимание жизни личности, особенностей черт характера, мотивов поведения, намерений и замыслов, степени их реализации, предполагается внимание к духовному миру личности, отношению к другим людям, исследование коммуникаций между людьми и культурами. Особое внимание при исследовании творческой личности историка требуется уделить выявлению индивидуальных стратегий и практик, которые проявляют-

4 <https://phsreda.com>

ся как внутренние причины происходящих в науке перемен. Но при этом биография историка вполне может быть отнесена и к выделенному тем же автором типу «контекстуальной биографии», ибо внимание к конкретной общественной эпохе, в которой реализует себя личность историка, к реконструкции социального контекста, в который и вписываются творческие достижения личности, позволяют сохранить равновесие между спецификой частной судьбы и совокупностью общественных условий, в которых творит историк.

Появившиеся в ходе осмысления профессиональным историческим сообществом последствий целого ряда познавательных и культурных поворотов, произошедших в междисциплинарном поле мировой гуманитаристики [1, с. 7–8], в том числе и поворот биографический [12, с. 8–9], породили и новые подходы к биографии вообще и биографии историка в частности – «интеллектуальная биография», «новая биографическая история», «индивидуальная история», «персональная история». Последняя и позволяет «представить роль биографии как социокультурного измерения исторического процесса» [7, с. 3]. В очередной раз перефразируя высказывание, относящееся к исторической биографии, отмечу, что социокультурное измерение становится характерным и для биографии историка-профессионала. В этом отношении новаторской стала монография Т.Н. Ивановой [6], посвященная В.И. Герье, в которой автору удалось, обратившись к традиционному для предшествующих десятилетий рассмотрению личности в привязке к школе, все-таки выделить достойное место и для биографического рассмотрения выдающегося русского историка.

С персональной историей *Personalia* как биографию историка роднит то, что основным исследовательским объектом и там, и там являются персональные тексты, а предметом исследования выступает «история одной жизни» во всей ее уникальности и полноте [13, с. 8]; эти персональные тексты, или источники личного происхождения, дают нам материал для характеристики индивидуального опыта героя, но персональная история, как и *Personalia* историка использует в качестве источников не только материалы, содержащие прямые вы-

сказывания личного характера (письма, дневники, мемуары, автобиографии), но и иные свидетельства, фиксирующие объективный взгляд со стороны [13, с. 10] (конечно, речь идет опять о некотором конструкте, создаваемом биографом); наконец, обязательный коммуникативный аспект, т.е. взаимодействие с другими личностями и окружающим миром в самом широком его понимании, без анализа этого невозможна никакая «персональная история» [13, с. 11] и невозможна *Personalia* историка.

Конечно, главным персональными текстами для любого профессионального историка являются его труды. И именно к ним и обращено внимание автора *Personalia* историка. Здесь то и возникает, на мой взгляд, то, что отличает *Personalia* историка от любого исследования в рамках «персональной истории».

Это глубина проникновения автора в профессиональную жизнь своего героя. Профессиональный историк выступает как профессиональный биограф. Но здесь же таится и очень большая опасность. При оценке творчества героя биографии профессиональный историк может впасть в альтернативную историю, пытаясь показать свое видение исторического процесса, вместо досконального воспроизведения и оценки взглядов своего персонажа. Обязательное при написании любой биографии вживание, вчувствование в образ историка не должно превратиться в описание самого себя. Замечу, кстати, известную всем, кто профессионально занимался изучением отдельных известных историков, закономерность: автор-историограф становится очень похожим во взглядах, мировощении, многих реакциях на своего персонажа. Этой проблемой никто специально не занимался, но на уровне ощущений это есть. И что здесьГлавенствует – подбор ли героя *Personalia* происходит на уровне интуитивного ощущения близости или автор *Personalia* просто конструирует образ своего героя на основе собственного «я», пока неизвестно.

Каков же выход из такого неизбежного субъективизма что в оценке творчества, что в репрезентации личности историка? На мой взгляд, в использовании наиболее широкого круга источников самого разного происхождения. Именно

6 <https://phsreda.com>

забавные детали, курьезы или, напротив, трагические и неприятные факты из жизни историка, пришедшие к нам из источников личного происхождения, делают биографию историка Personalia.

Попытка классификации исчерпывающего набора источников для написания Personalia уже предпринималась автором этой статьи [16, с. 138–140]. Однако новые исследования, появившиеся именно как Personalia в последние два десятилетия, обогатили источниковую базу историографического биографического исследования новыми материалами, которые вновь требуют осмысления и классификации. Это, безусловно, является одной из актуальных задач современной отечественной биографики.

Список литературы

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик. – М.: НЛО, 2006. – 504 с.
2. Безгубенко А.А. Историческая концепция Мозеса Финли / А.А. Безгубенко: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1989. – 16 с.
3. Бухараева М.А. Эдуард Мейер и его историческая концепция / М.А. Бухараева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1978. – 24 с.
4. Габдуллина Н.М.-Н. И.Н. Смирнов – профессор Императорского Казанского университета / Н. М.-Н. Габдуллина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011. – 23 с.
5. Гребенкина А. Сколько живет историк? Казанские тайны Милицы Нечкиной / А. Гребенкина // Казань. – 1999. – №7–8. – С. 93–94.
6. Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века) / Т.Н. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – 382 с.
7. Иконникова С.Н. Биография как социокультурное измерение истории / С.Н. Иконникова // Культурологический журнал. – 2011. – №4 (6). – С. 2–6.

8. Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии / Н.В. Крапошина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010. – 25 с.
9. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М.В. Нечкина. – М., 1974. – 640 с.
10. Павлова Т.А. Методологические проблемы. Биографистика в СССР / Т.А. Павлова // Историческая биография: сб. обзоров к XVII Международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990). – М., 1990. – С. 5–32.
11. Пахомов Ю.В. Иван Николаевич Смирнов (1856–1904) – историк, этнограф, общественный деятель / Ю.В. Пахомов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 19 с.
12. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика / Т.Н. Попова. – Одесса: Бондаренко М.А., 2017. – 456 с.
13. Репина Л.П. Личность и общество, или История в биографиях. Вместо предисловия / Л.П. Репина // История через личность: историческая биография сегодня. – 2-е изд. – М.: Квадрига, 2010. – С. 5–16.
14. Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича / А.В. Сергеев. – Казань, 1978. – 136 с.
15. Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М.: Наука, 1993.
16. Чиглинцев Е.А. Биография историка в историографическом сочинении / Е.А. Чиглинцев // Античность: эпоха и люди. – Казань, 2000. – С. 132–141.
17. Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии / С.О. Шмидт // Проблемы истории общественной мысли и историографии. – М.: Наука, 1976. – С. 264–275.

18. Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов / А.С. Шофман. – Казань, 1979. – 111 с.
19. Шофман А.С. Федор Герасимович Мищенко / А.С. Шофман. – Казань, 1974. – 111 с.
20. Ярошевский М.Г. Биография ученого как научоведческая проблема / М.Г. Ярошевский // Человек науки. – М.: Наука, 1974. – С. 22–29.